

Нарожная В.Д.
(*Казахстан, Шымкент*)

ЖЕНСКИЙ И МУЖСКОЙ НЕВЕРБАЛЬНЫЙ ЯЗЫК КАК КОНЦЕПТ ГЕНДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ: АСПЕКТЫ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ОБЩЕНИЯ

Ключевые слова: гендер, концепт, маскулинность, феминность, коммуникация, культура, обычаи, традиции, невербальное общение.

В статье рассматриваются женские и мужские невербальные знаки общения, которые предписаны множеством казахских традиций и обычаев и характерны в межкультурном общении представителей различных этносов, проживающих на территории Южного Казахстана.

Narozhnaya V.D.
(*Kazakhstan Republic, Shymkent*)

FEMININE AND MASCULINE NON-VERBAL LANGUAGE AS CONCEPT OF THE GENDER STUDIES: INTERCULTURAL COMMUNICATION ASPECTS

Key words: gender, concept, masculinity, femininity, communication, culture, traditions, non-verbal communication.

The article is focused at the feminine and masculine signs of communication; they are subjected to a number of Kazakh customs and traditions, which are typical for the different ethnic groups representatives' inhabiting the South Kazakhstan area, intercultural communication. The problem is based upon the people's ethnic background.

Проблема «человек в языке», наряду с его функционированием, в современной лингвистике исследуется с выходом в смежные области науки. К одной из них, направленной на познание человека, относится гендерология, «изучающая взаимосвязь биологического пола человека с его культурной идентичностью, социальным статусом, психическими особенностями, поведением, в том числе и речевым» [1. С. 81]. В связи с этим А.Р. Даирова отмечает: «Языки, национальности, национальные культуры, национальный характер, национальное сознание и самосознание – эти явления обуславливают этнографическое многообразие человечества и полиморфизм культур, сложившихся под влиянием многих факторов, среди которых не последнее место занимает гендерный, поскольку существенно возрастает значимость индивидуальных параметров личности, в том числе и значение такого важного параметра, как половая принадлежность человека» [3. С. 875].

Символика мужского и женского выполняет классифицирующую роль в построении модели мира. Мотивация оппозицией “мужское / женское” поведения человека, эмоций, его отношения к миру и другим людям национально обусловлена. «В половом символизме многих культур “мужское” отождествляется с божественным, духом, голосом, культурой, активностью, силой, рациональностью, светом, наполненностью, формой и т.д., “женское” – с материей, хаосом, природой, пассивностью, слабостью, эмоциональностью, тьмой, пустотой, бесформенностью» [8. С. 273]. Примером этому служит замечание Алана Пиза по поводу рукопожатия мужчины и женщины. Хотя женщины в последние десятилетия уверенно заняли серьезное положение в мире бизнеса, многие до сих пор испытывают определенное смущение во время приветствия. Мужчины получают навыки рукопожатия от своих отцов, но лишь немногие женщины проходят такую школу. «Когда мужчина протягивает руку для приветствия, женщина ее просто не замечает, потому что смотрит в лицо контактера. Испытывая смущение от того, что его рука повисла в воздухе, мужчина

убирает ее, но в этот момент женщина замечает протянутую руку и в ответ протягивает свою. И теперь в воздухе повисает уже ее рука» [7. С. 58-59].

Казахская невербалика представляют собой достаточно сложное коммуникативное образование. «Своеобразие гендерных отношений в традиционном казахском обществе определялось кочевым образом жизни, с одной стороны, очень суровым, не дающим послабления по половому признаку, а с другой стороны, празднично-карнавальным, снимающим все запреты и вето. Когда приходила пора свершений, казах и казашка создавали семью, похожую на автономное минигосударство, где муж был воплощением Тенгри, а жена – воплощением богини Умай», – указывает А.А. Кодар [5. С. 31].

Социальный статус мужчины в казахском обществе выше, чем статус женщины, поэтому женщина как бы занимает нижестоящее положение, хотя в современном обществе могут наблюдаться и обратные явления, что связано с доминированием в социальной позиции «муж / жена» женщины. Однако испокон веков в казахском патриархальном обществе властным статусом обладал всегда мужчина, поэтому в национальных гендерных жестах в процессе реализации отношений «маскулинность / фемининность» встречаются факты социальной ориентации женщины по отношению к мужчинам, женщина понимает мужчину по поднятой руке, кивку головы. Мужчина не произносит слов, но женщины молча выполняют невысказанное приказание мужа. Существование андроцентризма в языке не требует доказательств и представляется вполне логичным, «поскольку является естественным следствием историко-социокультурного развития многих языков мира, однако требует взвешенного и корректного анализа» [3. С. 877]. В связи с этим становится важным замечание А.А. Кодара о том, что подобные отношения мужчины / женщины соотносятся с образом жизни казахов. При кочевом образе жизни так сложилось, что «мужчина исполнял роль добытчика и воина, защитника племени. Поэтому ему всегда приходилось быть на стороне: разведывать новые пастбищные угодья, угонять чужих лошадей, нести дозорную службу, выпасать скот. А женщина была при доме, и в условиях кочевой жизни она сама была живым передвижным домом, символом семьи, и все, что она делала, делала по необходимости» [5. С. 25]. Немаловажную роль при этом также играют традиции и обычаи народа, которые отложили своеобразный отпечаток на поведение мужчин и женщин.

Следование нормам традиционного этикета означает, что человек идентифицирует себя с определенным статусом, социальной ролью. Поведение людей, вступающих в отношения старший / младший по статусу, подчинено особым правилам. Для традиционной казахской культуры характерно, что тот, кто находится в положении старшего, обладает целым набором привилегий по сравнению с младшим. Уважение к старшему внедряется в сознание как высший принцип, следуя которому можно достичь успехов в жизни и завоевать достойное уважение. В связи с этими нормами связаны многие жесты-приветствия, используемые мужчинами-казахами.

- *Кол алысын амандасу* (брат за две руки). Жест-приветствия, когда младший по возрасту протягивает обе руки вперед к старшему с раскрытыми ладонями. Старший в ответ также протягивает обе руки. Руки смыкаются в приветствии.

- *Он колын кеудесіне баса сәлем беру* (жест-приветствия). Младший по возрасту прикладывает правую руку ладонью с разомкнутыми пальцами к груди или к области сердца. Голова слегка наклонена вниз. Далее приветствие может сопровождаться жестом *кол алысу*.

- *Кол алысын, тос соғысын амандасу* (здороваться за руки и обняться, буквально коснувшись друг друга грудью). Правая рука кладется через левое плечо другого на спину, левая рука обнимает за талию. Вторая фаза объятия симметрична первой. Левая рука первого кладется через правое плечо на спину, а правая рука обнимает за талию [10. С. 78].

- *Кол беру* (подавать руку): протянуть руку для рукопожатия в ситуации приветствия.

- *Кушактасын амандасу* (вежливый жест приветствия): здороваться, заключая в объятия друг друга.

В современном общении, как показали результаты нашего исследования, более предпочтительными являются такие мужские жесты приветствия, как *кол котеру* (поднять руку) и *кол беріп амандасу* (приветствие одной рукой), *кол былгап амандасу* (движение всей вытянутой вверх руки относительно корпуса или кисти руки вправо-влево) и *бас изеу* (кивнуть головой). Но если в казахском употреблении жест *он колын кеудесіне баса салем беру* обозначает уважительный жест-приветствие (младший по возрасту прикладывает правую руку ладонью с раскрытыми пальцами к груди или области сердца), свойственный в общении мужчин, то в русском языке аналогичный жест имеет несколько значений: а) тронутый отношением адресата, жестикулирующий сердечно благодарит его; б) жест благодарности в ситуации прощания; в) благодарность и вежливый отказ в ответ на сделанное кем-либо предложение [2. С. 121].

Этнографический жест приветствия *кол кусырып, бас иіп салем беру* (жест, при котором обе руки прижимаются к груди или скрещиваются на груди, голова наклонена вниз) также имеет аналог в русской культуре. Но если в казахском языке это мужской жест, то среди русских его употребляют как мужчины, так и женщины. Данный жест-просьба обычно используется по отношению к адресату с более высоким социальным статусом, от которого зави-сит просьба жестикулирующего [2. С. 119].

Гендерные отношения выражаются и в культурных функциях проксеминового поведения. Так, в культуре казахского народа пространство юрты строго разделялось на мужскую и женскую половину. «Мужская половина – это левая сторона, где хранились предметы, принадлежащие мужчинам (седло, камча и др.). Направо от входа находилась женская половина, где хранились предметы домашней утвари, посуда, предметы повседневного быта» [4. С. 14]. Организация коммуникативного пространства прежде всего отражала статус главы казахской семьи, ее традиционную структуру. Мужчина, глава семьи, всегда сидел на почетном месте (*тор*) – это место в юрте считалось сакральным. В Шымкентской области женщины и мужчины казахской национальности сидят за дастарханами в разных комнатах во время ритуального застолья. И если женщины сидят прямо, ноги перекрещены в голеностопе, они занимают меньше пространства, то мужчинам требуется больше пространства: они сидят, согнув колени и широко раздвинув их. Такую позу можно часто увидеть в автобусе, когда мужчина сидит, широко раздвинув ноги в коленях, занимая при этом иногда два места. Однако это не прихоть со стороны сидящего мужчины-казаха, не знак невоспитанности, это привычка, которая вырабатывалась долгими годами.

Как показали наши наблюдения за поведением женщин и мужчин-казахов в общественном транспорте, они стараются соблюдать пространственную ориентацию. Так, девушки, придерживающиеся национальных обычаев и традиций (чаще – выходцы из сельской местности), никогда не сядут в автобусе, если свободное место находится между двумя мужчинами. Так же поступают мужчины. Однако, как мы уже отмечали, этого правила придерживаются в основном выходцы из сельской местности.

Материалы экспериментальных исследований и наблюдений показали, что в общении корейцев-иностранцев, проживающих в Южном Казахстане, не принята жестикуляция и ограничены эмоции. В корейской культуре не приняты также и прикосновения. Мы наблюдали, как ученик-кореец вздрагивал и резко отстранялся в сторону, если учитель дотрагивался до него рукой, чтобы обратить на себя внимание в момент объяснения темы урока или исправить ошибку в тетради учащегося-иностранца. Такое поведение связано с национальной спецификой корейской культуры, в которой считается неприемлемым, если к коммуниканту прикоснулся кто бы то ни было, кроме близких друзей. Нельзя обниматься, хлопать по спине, нельзя класть руку на плечо. Неприемлемо прикасаться к старшим и к лицам противоположного пола. Если близкие друзья-корейцы одного пола могут ходить за руку или положив руку на плечо, то иностранцы не должны поступать так же.

Рассмотрим особенности женского невербального языка, характеризующего специфику различных этносов. Женщины всегда и во всех культурах считались

хранительницами семьи, домашнего очага. В связи с этим женщинам приписываются ориентация на дом, семью, социальные ценности, а также мягкость, эмоциональность и чувственность. Г.Е. Крейдлин к женским жестам и позам относит следующие: *поправить волосы; чуть наклонить голову; сидеть, сомкнув колени; держать сцепленные руки на животе; ходить, покачивая бедрами* и др. [2. С. 189]. В.П. Конечкая к “женским знакам” добавляет такие, как *заламывать руки от отчаяния; закрывать ладонями глаза от страха; стоять, упершись руками в бедра*, показывая свое негодование или решимость настоять на своем; *сидя в задумчивости, подпереть голову ладонями, прикрыв лицо (рот) ладонью (рукавом) от смущения (в сельской местности); вертеть кольцо на пальце* в нервном состоянии и т.д. [6. С. 132-133].

Известно, что в женской речи преобладают модальные средства языка. Это объясняется повышенной эмоциональностью женщин, их неуверенностью и нерешительностью, а также тем, что женщина больше мужчины сосредоточена на своем внутреннем мире, отсюда и больше слов, описывающих чувства, эмоции, употребление глаголов, выражающих эмоционально-психологическое состояние человека и сопровождающих женские жесты. Поведение женщины предписывается множеством законов и обычаев. Женщина должна почитать мужа, главу семьи, отсюда различное поведение женщины в разных национальных культурах.

В Корее мужчины всегда идут первыми, а женщины – за ними. Там не считается предосудительным, если женщина подаст палочку мужчине. Чай, кофе в Корее и Японии подают женщины. При этом существует целый этикет приготовления этих напитков, и женщина должна подавать их очень грациозным жестом правой руки, левой при этом поддерживая правую руку в локоте. Отмечено, что разговаривающие женщины стоят друг к другу ближе и отличаются более прямой ориентацией, чем беседующие мужчины. Арабские женщины должны быть надежно укутаны одеждой, открытыми остаются только их глаза. К женщинам-арабкам нельзя прикасаться на людях. Женщина, которая искренне выражает сочувствие или просто симпатизирует другой женщине, не пожимает рук. Она мягко берет ее руки в свои и соответствующим выражением лица показывает свое сочувствие.

В казахском обществе женщине был присущ “стиль покорности”, подчинения мужчине. Согласно гендерным стереотипам поведения, многословие женщин считалось предосудительным. В связи с этим в их поведении отмечается большая частотность употребления невербальных знаков коммуникации, имеющих самостоятельное лексическое значение. Издревле на казахских девушек и женщин накладывался запрет (табу), который они неукоснительно должны были выполнять. Приведем несколько примеров таких запретов, представленных в работе А. Сейдимбека «Мир казахов» [9. С. 292-294]. Женщина не должна называть по именам и садиться на кровать свекра, свекрови и деверя, не должна ложиться спать раньше их. Женщина должна говорить тихим голосом, не смотреть на мужчину в упор, не спрашивать у него, куда тот идет. Она должна сидеть, укрыв ноги, ходить с покрытой головой, уступать дорогу мужчине и никогда не прикасаться к рукояти оружия мужа и др.

Ярко и эмоционально прослеживаются гендерные стереотипы в народных пословицах и поговорках. В них отмечаются как положительные, так и отрицательные характеристики женщины. Однако у всех народов пословицы воспитывают почитание к матери, сестре, дочери. Рассмотрим, например, казахские и русские пословицы: *Родичей много, а мать одна* (каз.). *Ребенок без отца – наполовину сирота, ребенок без матери – полный сирота* (каз.). *Трижды на себе мать в Мекку сvezи – с материнским долгом не рассчитаешься* (каз.). *Мать и высоко подымет, да не больно опустит руку* (русс.). *Мать и бьет, так гладит, а чужая и гладит, так бьет* (русс.). *Без отца полсироты, а без матери и вся сирота* (русс.). *Женский ум стоит многих дум* (русс.).

Национальная поза женщин-казашек имеет свои особенности. Они сидят на полу прямо, ноги перекрещены в голеностопе, они занимают меньше пространства, проявляя больше контроля над собой. Другая поза женщины: ноги согнуты в коленях, одна – опорная

– вертикально, другая опущена горизонтально. При этом ноги обязательно должны быть закрыты платьем.

Нам приходилось наблюдать, как в ситуации приветствия четко прослеживаются гендерные различия: мужчина при встрече с близкими знакомыми, родственниками приветствует их детей легким прикосновением или поцелуем в лоб/тыльную сторону ладони. Чаще такое прикосновение возможно при обращении к девочкам, к мальчикам же только в том случае, если им не более 6-7 лет и если мужчина испытывает чувство глубокого уважения к их родителям. Женщины в аналогичной ситуации ведут себя одинаково как по отношению к девочкам, так и по отношению к мальчикам. Если в доме есть грудной ребенок или малыш в возрасте до 3-х лет, то взрослые часто касаются его лобика, носа, щек, глаз и вдыхают детский запах. У этого ритуала свое значение: притрагиваясь к телу малыша, взрослый вдыхает чистый, здоровый запах ребенка и как бы очищается от грехов.

В разных коммуникативных актах и сценариях наблюдается разное поведение женщины как при вербальном, так и невербальном общении. Например, мы неоднократно наблюдали особенности женского приветствия представителей узбекского этноса, проживающих в Шымкентской области. При приветствии узбечка протягивает собеседнице руку и слегка похлопывает ее по плечу. Женщины-узбечки, которых связывают очень теплые чувства, при встрече обычно обнимаются, целуют и похлопывают друг друга по плечу. Молодая невестка в течение года каждое утро делает поклоны новой семье, выражая тем самым ей свое уважение. При этом женщина всегда соблюдает определенную дистанцию, если здоровается с мужчинами.

Коммуникативные сценарии общения часто связаны с традициями, обычаями и ритуалами, характеризующими национальную специфику определенного этноса. Так, женщины-мусульманки никогда не сядут в общественном транспорте между двумя мужчинами, а дождутся, когда освободится место с краю или рядом с другой женщиной.

В казахской невербальной семиотике встречаются такие национальные жесты, употребление которых связано с эмоциональностью, экспрессивностью. К таким жестам относятся “женские” жесты, носящие название “*бетім-ай*” – “*ой, мое лицо*” и *бетін шымышу* (ущипнуть себе щеку). Жесты означают: “*Стыд-то какой! Срам-то какой!*” Это жесты-реалии, понятные исключительно носителям данной культуры. Они не имеют эквивалентов в других языках и при переводе теряют свое значение. В первом случае женщина проводит указательным пальцем по своему лицу (щеке), во втором – большим указательным пальцем щиплет щеку. Жесты выражают отрицательную реакцию на чей-либо поступок, когда слушательница ужасается, стыдится поступка кого-либо. Жесты могут сопровождаться словами возмущения, произнесенными с повышенной интонацией, но могут выступать и как самостоятельный семиотический знак – знак неодобрения и стыда [10. С. 60].

К женским жестам относится жест, передающий глубокую скорбь, печаль. Это жест “*бет жырту*” (*царапать свое лицо*), употребляемый при оплакивании покойника. Социальным, женским является и жест *екі буйірін таяну* (подбоченясь). Поза в сидячем положении, которую принимают женщины-казашки, когда оплакивают смерть мужа или сына. Большой палец руки направлен вперед, четыре пальца – назад.

К женским жестам приветствия можно отнести следующие жесты: *салем ету* (жест уважения и послушания): женщина левым коленом припадает к земле, руки ладонями вниз одна на другую прикладываются на правое колено; *иіліп салем ету* (жест уважения, почитания): голова наклонена вниз, левая ладонь прикладывается к солнечному сплетению, а правая – на левую. Глаза опущены. Жест *тежим ету* (приветствие с поклоном) равнозначен жесту приветствия *салем ету*. Рассмотренные жесты национальные, социальные – женские. В них всегда присутствует модальность, т.е. отношение к совершенному кем-либо поступку, неодобрение, порицание, эмоции ужаса или большого несчастья, горя.

Следует отметить, что в Казахстане, особенно в последнее время, происходит смена устоявшихся стереотипов. Например, женщины, как отмечает Т.Ж. Токтарова, «все чаще

являются представителями профессий, которые традиционно считались мужскими: политика, управление и распределение, бизнес не только мелкий, средний, но и крупный, различные властные структуры, банковская система, юриспруденция, вооруженные силы, тяжелая промышленность и т.п. Однако при этом женщина, независимо от занимаемой должности, социального статуса, должна, в первую очередь, выполнять гендерную роль, предписанную ей обществом, а именно, быть хорошей матерью, женой, снохой и т.д.» [11. С. 71-72]. Следует иметь в виду, что в различных регионах Казахстана укорененность гендерных стереотипов различна: в северных областях, граничащих с Россией, их соблюдение менее строгое, чем в южных регионах. Урбанизация также влияет на проявление гендерных стереотипов: в сельской местности они проявляются сильнее, чем в городе.

Таким образом, жесты-символы, сопровождающие словесное общение, имеют дополнительное созначение и часто замещают соответствующие языковые речевые формулы, а изучение *женского* или *мужского* языка как культурных концептов является одним из наиболее перспективных направлений современных гендерных исследований в отечественной науке.

Список литературы

1. Городникова М.Д. Гендерный аспект обращений как фактор речевого регулирования / М.Д. Городникова // Гендер как интрига познания: Сб. науч. статей. – М.: Рудомино, 2000. – С. 81-92.
2. Григорьева С.А. Словарь языка русских жестов / С.А. Григорьева, Н.В. Григорьев, Г.Е. Крейдлин – М. – Вена: ЯРК, 2001. – 254 с.
3. Даирова А.Р. Некоторые вопросы гендерной лингвистики / А.Р. Даирова // Языковое пространство Казахстана в новом тысячелетии и проблемы мировой лингвистики: состояние и перспективы: Матер. междунар. науч.-практ. конф. – Алматы: КазГосЖенПИ, 2008. – С. 875-881.
4. Казмагамбетова А.С. Вербализация проксемного поведения в языке художественной литературы / А.С. Казмагамбетова: автореф. ... канд. филол. наук: 10.02.20. – Алматы: КазНУ, 2008. – 48 с.
5. Кодар А.А. Женщина и мужчина в казахском традиционном обществе / А.А. Кодар, З.М. Кодар // Евразия: общественно-политический и литературно-художественный журнал. – 2005. – № 5 (39). – С. 21-32.
6. Конечкая В.П. Социология коммуникации / В.П. Конечкая. – М.: МУБиУ, 1997. – 304 с.
7. Пиз А. Новый язык телодвижений. Расширенная версия / А. Пиз, Б. Пиз. – М.: Эксмо, 2008. – 416 с.
8. Сабитова З.К. Гендерная иерархия и система бинарных противопоставлений в языке / З.К. Сабитова // Психолингвистика и социолингвистика: состояние и перспективы: Матер. междунар. конф., посвящ. 70-летию КазНУ им. аль-Фараби / Отв. ред. Э.Д. Сулейменова. – Алматы: Қазақ университеті, 2003. – С. 273-275.
9. Сейдимбек А. Мир казахов. Этнокультурологическое переосмысление: Учебное пособие / А. Сейдимбек. – Алматы: Рауан, 2001. – 576 с.
10. Татубаев С.С. Жесты как компонент искусства С.С. Татубаев. – Алма-Ата: Казахстан, 1979. – 112 с.
11. Токтарова Т.Ж. Лингвистические аспекты гендерных стереотипов / Т.Ж. Токтарова // Русское и сопоставительное языкознание: тенденции и перспективы развития. – Алматы, 2007. – С. 70-75.

